

На следующее утро, еще до рассвета, Цзян Шуин приступила к очищению жителей от Поводка Пожирания Души.

Процесс был несложным, но крайне изнурительным. Она велела людям из резиденции градоначальника по одному выносить потерявших сознание сельчан во двор, чтобы те оказались под первыми мягкими золотистыми лучами восходящего солнца. Сама же она замерла в центре двора, слегка приподняв тонкие руки; ее кончики пальцев окутывало мягкое белое сияние, более плотное, чем вчера.

Никаких заклинаний, никаких сложных жестов — она лишь рисовала пальцами в пустоте, словно кистью. Чистые, исполненные странной жизненной силы световые нити струились из-под ее рук, подобно живым духовным змеям, и точно проникали в межбровье каждого из жителей.

Стоило свету коснуться тел, как упорный черный Поводок Пожирания Души начинал таять и распадаться, словно снег под лучами солнца. Серое, безжизненное лицо каждого сельчанина на глазах наливалось краской, а слабое дыхание становилось ровным и глубоким. Хотя они еще не пришли в себя, гнетущая аура смерти, окутывавшая их, исчезла без следа.

Линь Юньсю вместе с другими учениками помогала поддерживать порядок и молча наблюдала за действиями Цзян Шуин. Сила, заключенная в этом белом свете, не была обычным целительством — в ней ощущалось нечто невыразимое, некая мощь, способная очищать и исправлять сами основы мироздания. Линь Юньсю заметила: каждый раз, когда очередной Поводок Пожирания Души был уничтожен, под тонкой вуалью на лице Цзян Шуин проскальзывала тень смертельной усталости. Она исчезала в мгновение ока, но не ускользнула от внимательного взгляда Линь Юньсю.

Эта старшая наставница платила немалую цену за использование подобной силы.

К тому времени, как последний Поводок был извлечен, солнце уже стояло в зените. Цзян Шуин опустила руки, ее таинственная аура постепенно угасла, а лицо, казалось, стало еще бледнее обычного.

— Поводок Пожирания Души устранен. Они будут спать от трех до семи дней, постепенно восстанавливая жизненные силы, после чего полностью придут в норму, — распорядилась она, обращаясь к ожидавшему в стороне градоначальнику. В ее голосе сквозила едва уловимая слабость.

Градоначальник, рассыпаясь в благодарностях, поспешил приказать своим людям осторожно доставить сельчан домой.

Задание было выполнено, и отряд не стал задерживаться в Городе Леши. Цзян Шуин, казалось, не желала оставаться здесь дольше положенного, и уже после полудня повела всех обратно в Павильон Цюньсяо.

Путь домой прошел в еще более гнетущем молчании, чем дорога сюда. Цзян Шуин по-прежнему шла впереди, молчаливая и отстраненная, словно той короткой беседы под луной никогда и не было. Однако на душе у Линь Юньсю не было покоя. Заговор секты Тайхуа, странная сила и цена, которую платила Цзян Шуин, а также ее слова о том, что видеть слишком ясно — это бремя, — все это складывалось в ее голове, словно кусочки мозаики.

Она все больше убеждалась, что так называемый недуг глаз Цзян Шуин скрывает в себе великую тайну. И эта тайна, скорее всего, связана с ее способностью видеть то, что недоступно другим.

Спустя несколько дней отряд благополучно вернулся в Павильон Цюнсяо. После сдачи отчета о задании Цзян Шуин сразу же удалилась в свои покои и больше не показывалась. Линь Юньсю вернулась к привычной, размеренной жизни внешней ученицы: ежедневные тренировки с мечом, прослушивание наставлений и выполнение повседневных обязанностей.

Только вот, когда она практиковала Формулу Меча Текущих Вод, в ее сознании невольно всплывали пальцы Цзян Шуин, касавшиеся бамбука в той роще, и ее холодный голос, рассказывающий о Нитях судьбы. Настрой Линь Юньсю при работе с мечом незаметно менялся: в нем стало меньше старательности, но больше понимания сути потока и духа. Движения становились все более естественными и плавными, так что даже наставник, преподававший основы фехтования, не мог удержаться от похвалы.

Однажды глубокой ночью, когда лунный свет струился, словно вода, а в мире воцарилась тишина, Линь Юньсю задержалась. Днем она взялась за уборку в Беседке Слушающая Ветер на задней горе, но из-за дел закончила лишь к полуночи. Неся инструменты, она возвращалась по узкой тропинке. Беседка стояла у края уединенного утеса с широким обзором, и море облаков, колышущееся в лунном свете, представляло собой захватывающее зрелище.

На полпути, проходя мимо густой рощи фиолетового бамбука, она внезапно уловила слабые колебания духовной энергии. В них чувствовалось что-то знакомое — холодное и необъятное.

Цзян Шуин?

Сердце Линь Юньсю дрогнуло. Она подсознательно подавила свою ауру и, укрываясь в тени бамбука, осторожно двинулась вперед.

Миновав чащу, она увидела небольшую поляну. Лунный свет беспрепятственно заливал ее, отчетливо освещая одинокую белую фигуру в центре.

Это была Цзян Шуин.

Она не стояла, а сидела, скрестив ноги, на гладком синем камне, сложив руки на коленях в странной печати. И самое поразительное — белая вуаль, которую она никогда не снимала, отсутствовала!

Сердце Линь Юньсю забилося в бешеном ритме. Она затаила дыхание, спрятавшись за густыми стеблями бамбука, и во все глаза смотрела вперед.

В лунном свете лицо Цзян Шуин открылось полностью. Брови, словно далекие горы в дымке, глаза, подобные осенней воде — черты лица были изысканны, как у небожительницы с картины, а их сочетание создавало образ захватывающей дух холодной красоты. Однако больше всего поражали глаза.

Они были открыты. Зрачки — не обычные черные или карие, а глубокого цвета глазури, в которых, казалось, таились бескрайние звездные моря. Сейчас в этом глазурном взоре не было фокуса, словно она смотрела сквозь пустоту, в иное измерение, недоступное пониманию обычных людей.

Еще более шокирующим было то, что в воздухе перед ней возникали бесчисленные тонкие, как паутинки, мерцающие слабым звездным светом нити. Они переплетались, свивались, образуя огромный, сложный и постоянно меняющийся объемный узор. Некоторые нити были яркими, другие тусклыми, одни тянулись прямо, другие изгибались, одни были плотно спутаны, другие — хрупки и готовы порваться в любой момент.

Пальцы Цзян Шуин двигались с непостижимой скоростью и тяжелым, размеренным ритмом, слегка касаясь этих незримых нитей. От каждого прикосновения расходилось слабое сияние, заставляя соседние нити слегка дрожать и менять траекторию. На лбу Цзян Шуин выступили мелкие капли пота, а в глазах отражалась вся эта необъятная карта судеб — сосредоточенность, смешанная с глубокой усталостью и... состраданием.

Линь Юньсю остолбенела. Она не знала, что именно видит, но мысль, подобно молнии, пронзила ее сознание:

Нити судьбы!

Те самые, о которых говорила Цзян Шуин! Она действительно способна их видеть и, кажется, пытается вмешиваться, или, вернее сказать, направлять их?

Для кого она перебирает струны судьбы? Для тех жителей, что впали в беспамятство? Или для кого-то еще?

В тот момент, когда Линь Юньсю была потрясена до глубины души, Цзян Шуин на поляне, казалось, что-то почувствовала. Ее глазурные глаза резко повернулись и с невероятной точностью усталились прямо в ту сторону, где пряталась Линь Юньсю!

В это мгновение Линь Юньсю показалось, что с нее сорвали все покровы — от тела до самой души, — пронзив насквозь этим двойным взглядом. Ледяной холод пробежал по позвоночнику, лишая способности дышать.

В глазах Цзян Шуин промелькнуло изумление, после чего звездный блеск быстро угас, и они стали обычными, хотя по-прежнему оставались чистыми, словно могли отразить человеческую душу. Она подняла руку, и вуаль мгновенно скрыла этот невероятный взгляд.

Нити судьбы в воздухе тоже исчезли, словно призраки.

— Выходи.

Голос Цзян Шуин прозвучал холоднее, чем когда-либо, с непререкаемым величием.

Линь Юньсю поняла, что прятаться бесполезно, и, набравшись храбрости, вышла из-за бамбука. Она опустила голову, не смея смотреть на Цзян Шуин, и лихорадочно соображала, как оправдаться.

— Ученица... ученица только что закончила уборку в Беседке Слушающая Ветер и проходила мимо... — ее голос слегка дрожал.

Цзян Шуин хранила молчание. Лицо под вуалью оставалось бесстрастным, но невидимое давление, навалившееся на плечи Линь Юньсю, было тяжелее, чем когда-либо.

Прошло много времени — так много, что Линь Юньсю едва могла выносить эту гнетущую тишину, прежде чем Цзян Шуин медленно произнесла:

— Что ты видела?

Голос оставался ледяным, но Линь Юньсю остро почувствовала, что под этим холодом скрывается едва уловимое... колебание? Гнев? Опасение? Или что-то иное?

Сердце Линь Юньсю бешено колотилось. Она знала, что увидела тайну, которую видеть не должна была. Отрицать все или...

Она глубоко вздохнула, решив рискнуть. Подняв голову, она смело посмотрела на вуаль — хотя глаз она не видела, но знала, что Цзян Шуин чувствует ее взгляд.

— Ученица... — она запнулась, стараясь говорить ровно, — ученица видела... много нитей. Они... очень красивы, но и очень... тяжелы.

Она не произнесла слово судьба, но этот ответ был признанием того, что она видела невероятное зрелище.

Аура вокруг Цзян Шуин на мгновение застыла.

Горный ветер пронесся по роще, вызвав шелест бамбука, отчего тишина стала еще более пугающей.

В лунном свете одна фигура в вуали замерла подобно ледяной статуе, другая, в слегка помятых одеждах, пыталась сохранить самообладание. Невидимые потоки бурлили между ними.

Наконец Цзян Шуин отвела взгляд, обратив его к холодной луне, и оставила Линь Юньсю лишь свой профиль.

— О том, что произошло сегодня ночью, — ее голос вернулся к прежнему спокойствию, но в нем слышалась неотвратимая сила, — если проронишь хоть слово, лишишься и тела, и души.

Никаких громких угроз, никаких объяснений причин — лишь простое и жестокое предупреждение.

Сказав это, она больше не стала медлить и, превратившись в размытую тень, исчезла в густой ночной мгле.

Линь Юньсю осталась стоять на поляне, позволяя прохладному ночному ветру остужать пылающие щеки. Она смотрела в ту сторону, где скрылась Цзян Шуин, а затем подняла взгляд к бесконечному звездному небу. В ее душе бушевал шторм.

Нити судьбы... Цзян Шуин... секта Тайхуа... отец...

Все нити событий, казалось, соединились в одну незримую цепь после этого потрясающего ночного видения.

Она поняла, что шагнула в водоворот, который оказался куда глубже, чем она могла представить. А Цзян Шуин — эта таинственная женщина, способная видеть и направлять нити судьбы, — из объекта, за которым нужно было следить, превратилась в того, с кем ей придется столкнуться лицом к лицу и чья судьба теперь неразрывно переплетена с ее собственной.

Лунный свет оставался холодным, фиолетовый бамбук отбрасывал зыбкие тени. Линь Юньсю сжала кулаки, впившись ногтями в ладони.

Предстоящий путь не сулил легкости.

<http://bllate.org/book/19401/1899874>